

Метафизика насилия

Шулевский Николай Борисович —

доктор философских наук, профессор кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Зотова Елена Серафимовна —

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

УДК 111

В статье анализируются метафизические аспекты насилия на основании трех тезисов.

1. Метафизика насилия. Насилие в современном мире действует как самоцель и объемы его растут в направлении апокалипсиса.
2. Физика насилия. Насилие используется государством, его институтами как средство позитивности.
3. Мудрость насилия. Философия хозяйства и русская софийная философия ищут пути преобразования насилия в смысловые, образовательные, учебные, культурные формы детерминации поведения людей, в социальные структуры справедливости.

Ключевые слова

Метафизика, насилие, героизм.

Термин «насилие» уже в силу своей «крамольной» этимологии получил сегодня печать нелегитимности, стал табуированным изгоем либерализма. Однако провал семантического бунта и репрессий термина породил непонимание насилия, достигшее вершины в наши-то времена, чреватые ядерным апокалипсисом. Смысловой взгляд на вотчину насилия должен напомнить людям, что забвение ими своего метафизического долга лишает их субъектности, превращая в объект насилия. Но метафизике всегда трудно донести свои прозрения до людей, ибо речь искажает самые глубокие движущие ее смыслы. Быть современным со своей мысли опасно, ибо за ней следуют новые тексты с хищными противоречиями, которые могут сгубить любимое дитя автора. И тогда разум в целях са-

мозащиты возбуждает демонов насилия, которые усмиряются «вмешавшимся в дело начальством» [1, с. 621], принуждающим разум жить по своим же законам.

Сложившееся к настоящему времени непонимание глубинной основы терроризма обусловлено слабостью концептуальных и методологических средств, которыми располагает наука в изучении насилия. Массовые насилия, убийства людей (войны) сегодня все менее вызваны необходимостью завоевания жизненного пространства или богатств врага, то есть биологические и социальные мотивы насилия и войн стали атавизмом. Но количества войн, насилия не уменьшается. Чем это вызвано? Ответ поможет найти метафизика, создающая такие концептуальные модели насилия и терроризма, которые представляют

ев, становящихся его субъектами, прокладывающих пути в неизвестное царство Абсолюта, напоминающего человеку, что если он не нужен Абсолюту для мира иного, то не нужен самому себе и для этого мира. Метафизическое насилие всегда направлено против насилия физического, морального, социально-политического, психического, против насильников и террористов всех разливов. Субъектом такого насилия являются героические люди. Но при всех интерпретациях, оценках насилия его невозможно вынести за скобки любого серьезного дискурса современности. И чтобы противостоять самозванцам насилия всех мастей, нужно знать и понимать его метафизику, его целевую причину, его манящие смысловые чары, его правду и ее фальсификации. Наибольший враг истины — не ложь, а правдоподобие; основной противник метафизического насилия — не мир, а толерантность, терпимость к порокам и деградации. Вне хирургического скальпеля метафизического насилия

о насилию в мире растений и животных. Нет уголка мира, где разноеобразное насилие не проливалось бы кровь. Насилие — многомерная и всеобъемлющая реальность, охватывающая сакральные и мирские сферы.

Во всех религиях насилие — атрибут Бога. Даже Христос, провозглашая высшей ценностью Любовь, не отказывался и от насилия. «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...» (Мф. 10:34). «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12:49). И «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12). Сила(ы) — род ангелов небесной иерархии. Есть у Господа и свои вооруженные силы, возглавляемые Архангелом Михаилом, есть и сакральная военная доктрина — апокалипсис, включающий в себя звездные войны, — нет, без насилия и божественная мудрость не обходится.

более эффективные способы диагностики и врачевания этих социально-экзистенциальных болезней современного мира.

Каждая вещь имеет свое метафизическое ядро — смысл, свою невидимую сущность — закон, свои видимые проявления — образы и формы, свои случайности — зависимости от других сущностей, свои видимости, артефакты, симулякры — копии, подделки, аномалии. Насилие не исключение. Поэтому бытовое, эмпирическое, криминальное, случайное насилие является лишь его метафизическим суррогатом. Им занимается не философия, а право, этика, общественное мнение, совесть людей. Хотя и в этих искаженных видах насилия можно найти отблески метафизического насилия. Мы же посвятим наш анализ насилию с великой буквы, насилию, которое рождает геро-

Разум вопреки своим амбициям вполне заслуживает звания почетного насильника мира.

человека ожидает скальпель хирурга-клоновика. Суррогаты, симулякры насилия желают создать общество, основанное на власти извращенного меньшинства, а метафизическое насилие направлено на уничтожение этого порядка.

В реальном мире повсюду царит ураганное насилие: повсюду противостоят борющиеся полюсы разнонаправленного насилия — насилия власти и насилия бунтарей, насилия сословий, наций, классов, рас, цивилизаций, сознаний, интеллектов, идей и страстей. Насилие царит в мире стихий и микрочастиц, низвергает материю в метамрак черных дыр; излишне говорить

По охвату бытия и небытия, по своей действенной мощи насилие, пожалуй, превосходит остальные категории мысли, всецело царствуя по ту сторону истины и разделяя свою власть с истиной в сфере иллюзий и света.

Парадокс, но сам разум является первым и главным источником насилия в мире, инфицируя этими вирусами все доступные ему реалии. Паскаль, сделав посредством разума множество важных открытий, признав в разуме величие человека, все же отказал ему в праве на суждения о самых важных вещах. «Что меня изумляет больше всего — это то, что никто не изумляется собственному неразумию. <...> На-

прасно вопиет разум, не он определяет цену вещам. <...> Разум достаточно разумен для того, чтобы признать, что не смог пока найти ничего бесспорного. <...> Ничто так не согласуется с разумом, как это отречение разума. <...> Высшее проявление разума — признать, что есть бесконечное множество вещей, его превосходящих. <...> Все люди по природе своей ненавидят друг друга <...> вих глубине нет ничего, кроме ненависти. <...> Этот хваленый разум, сам извращенный, извратил и все вокруг» [2, с. 85, 86, 97, 128, 129, 139, 93]. Поэтому, следуя только разуму, человек неизбежно искажает изучаемые предметы, самого себя, завершая это извращение скепсисом, пустыми спорами и конфликта-

в ее науке, технологиях, экономике, организации, превосходит разум других стран, но именно этот разум нашел свое завершение в суицидном насилии. Разум социализма в России завершился геополитической катастрофой страны и разгулом неслыханного насилия, продолжающего и поныне косить ее население, углубляя демографическую яму. Так что разум вопреки своим амбициям вполне заслуживает звания почетного насильника мира.

Гераклит прямо высказал эту суть насилия: «Война — отец всего и всего царь» [3, с. 46]. Гераклит ввел понятия «Логос», «сблизив его с понятиями «разум» и «огонь» и поручив им вершить суд над миром посредством на-

Гомер сделал высшей добродетелью. *Vae vietis!* Поражает дикое и жестокое насилие, царящее в мифологиях. Бесконечные вереницы убийств, инцест, поедание богами своих врагов и детей как бы предваряют голивудские боевики, вызывают отвращение и активизируют родовую травму людей, запускающую спонтанное насилие всех против всех.

Особняком стоит славянская мифология, поражающая отсутствием насилия, жестокости, страха, злобы, половой извращенности не только среди богов древнеславянского пантеона; даже демоны там соблюдают какую-то мораль. Нет бесконечных войн среди богов за бесконечный (!) мир, родители не пожирают своих детей (Кронос) и не заточают их в Аид, дети не калечат своих родителей (Зевс). Нет попыток перехитрить богов (Сизиф), проверить их мудрость (Тантал убил своего сына и приготовил из него блюдо для богов); нет сдирания шкур со смертных (Марсий); нет уничтожения рода человеческого. Мир бесконечный, места хватит всем, зачем воевать и мучить друг друга — таков неявный лейтмотив всей древнеславянской мифологии. Из 163 фигур в словаре «Персонажи славянской мифологии» в семи зло преобладает над добром, в 60 зло подчинено добру, а в остальных царит одно добро [4, с. 129]. Это свидетельствует о неразвитости древнеславянской культуры. Что это за культура, в которой не убивают, не поедают своих детей, не устраивают инцестов?!

В древнеславянской мифологии люди ничего не просят у богов. Все необходимое для жизни они получили от богов в момент своего творения, поэтому богов следует почитать, славить, а не оскорблять их своими жалкими просьбами. Когда нужно будет, боги сами вмешаются в ход событий без подсказок от людей. Боги существуют для того, чтобы

Бесконечная любовь Христа стала реалией посредством насилия над ним.

ми, отдавая решение всех проблем своего бытия насилию. Кажется, что сам разум специально творит войны как средство решения непосильных для него вопросов.

И. Кант доказал, что именно неспособность чистого разума познать реальность («вещи в себе») и самого себя заводит его в тупики неразрешимостей, которые разрешаются только насилием. Например, допуская бытие Бога, разум в ходе доказательств этого тезиса вызывает бесплодные споры, которые завершаются конфликтами, порождающими религиозные войны. Допуская мир без Бога, разум снова вызывает споры, переходящие в конфликты, завершающиеся опять-таки войнами. И так обстоят дела со всеми проблемами, которые разум пытается решать. Все его решения завершаются спорами, конфликтами, войнами, то есть насилием. Развитой разум не гарантирует мира, не предотвращает превращение мира в насилие. В начале двух мировых войн разум Германии, воплощенный

силия. Отец разума — война, и он благодарит своего отца новыми войнами и новым оружием. Разум изобрел оружие тотального насилия, способного уничтожить Землю.

Но решать проблемы нужно сознанием и сознательно, постоянно оценивая последствия этих решений судом нравственности. Стремление решать проблемы разумно и только разумно завершится насилием и безумием самого разума. Дуэли устроены предельно разумно, но без сознания, а разум не задумывается о том, насколько подло и безумно оправдывать убийства. Сознание же решает проблемы, руководствуясь нравственными ценностями. Сознательное решение и будет разумным, ибо не сознание — часть и средство разума, а разум, Логос, логика — части и средства сознания и самосознания.

Гераклит не придумал ничего нового. Все мифологии, эпосы, былины воспевают метафизическое насилие, делающее победителей героями. Такое насилие

их славить, а демоны — чтобы человек нес ответственность за землю, за других людей, за своих предков. Если многие мифологии пропитаны ненавистью и насилием к границам и пределам, то в славянской мифологии мир является общим владением всех богов, а потому им не нужны границы и пределы владений каждого из них. Не нужно и насилие для их преодоления, а нужна лишь мудрость для понимания смысловых богатств мира.

Здравый смысл обывателей закрывается от всевластия насилия демагогией счастливого конца, сказками и утопиями грядущей гармонии, хотя реально он погружен в хаос смертельного насилия. Дело не в примитивной «борьбе за выживание». Дело в том, что каждая вещь, каждое существо, каждая мысль, каждое сознание, каждая форма бытия распяты между двумя пределами-границами — бытие и ничто, жизнь и смерть, конечность и бесконечность. Границы и пределы, наполняя реальность драматизмом и динамизмом насилия, ввергают человека в страшную тоску о беспредельной и произвольной жизни. Человек не только конечное существо, но в его конечности рвет-

ся на свободу заточенная в ней бесконечность, которая посредством насилия стремится взорвать все границы и пределы.

Эту войну меры и безмерности в человеке хорошо описал Н. Макиавелли. Так, безмерность человека проявляется в свободе: людям всегда мало свободы; они не желают никому и ничему подчиняться, хотя сами не прочь вершить властное насилие. И чем больше свободы, тем больше недовольных властью. А поскольку общество невозможно без власти и подчинения и поскольку люди не приемлют такого порядка, то спасает их от губительного своеволия только насилие государя. Безмерность людей проявляется в желаниях: люди хотят все иметь, все знать, все мочь, но этому противятся их натура, кошелек и фортуна, что вызывает злобу у одних и пресыщенность у других; одни хотят перемен, другие — покоя, третьи — возвышения, а все вместе порождает хаос, который усиливает насилие князя, направляющего эту агрессию желаний в русло мирного скотства.

Безмерность своеволия людей проявляется в их реакциях: люди больше нужного горюют о бедах

и меньше радуются минутам счастья. Эта безмерность плодит зависть, толкающую людей на подлые дела, которые пресекает подлость непревзойденного насилия государя. Безмерность произвола людей проявляется в оценках: люди всегда преувеличивают свои достоинства и умаляют свои пороки, а в оценках других людей поступают наоборот. Эти ложные оценки порождают агрессию, бунты и преступления. И удерживает их в рамках единой общности только великое насилие власти.

Безмерность произвола людей проявляется через чудовищные смешения в них божественных, демонических, животных, роковых, денежных и человеческих начал. Держать в узде эти взрывоопасные начала могут только метафизическое насилие и преступления власти. Безмерность людей проявляется в накоплении денег. Сколько бы денег ни было у человека, он все равно будет стремиться стать властелином всех денег мира. Но при этом он сталкивается с таким же желанием других людей и переходит к насилию [5]. Безмерность человека проявляется и в том, что ему всегда недостаточно денег, времени, влияния, внимания. И даже если человек желает возлюбить всех людей, то без насилия такая любовь невозможна. Бесконечная любовь Христа стала реальней посредством насилия над ним.

Таким образом, всякая конечность, конечный субъект стремятся преодолеть все границы и пределы, стать субъектом таящейся в них бесконечности. Гегель считал, что каждая вещь светится в себе своим «иным». Это иное и есть насилие бесконечности. Но в человеке пробиваются и черные лучи inferнального «иноного», которого страшился сам Платон. «Какой-то страшный, незаконный вид желаний таится внутри каждого человека, даже в тех из нас, что кажутся впол-

не умеренными: это обнаруживается в сновидениях» [6, с. 391]. Безмерное и многоликое насилие: инцест, каннибализм, убийство и поедание детей, осквернение всех ценностей, дикая агрессия как самоцель — вот далеко не полный перечень желаний, которые Платон считает плодами скованных сил бесконечности внутри человека, в этом плане становящегося оболочкой и домом насилия; и в любой миг он может открыть его дверь.

Адепты диалектики не вполне понимают ее суть как «науки» о насилии. Например, за что борются свет и мрак, верх и низ, добро и зло, субъект и объект, мужчина и женщина и т. д.? Да, за власть, за право вершить насилие, быть победителем, а не жертвой, за право жертв на реванш, превосходящий насилие и агрессию победителей. Даже Маркс, признавая позитив насилия, не заметил коварной метафизики его агрессии: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» [7, с. 761]. Верно, но поверхностно. Насилие озабочено не родами нового общества, а родами более мощного, более изощренного и коварного насилия, что подтверждают все революции. Это хорошо знал В.И. Ленин, открыто провозгласивший, что одолеть насилие капитала может только превосходящее его насилие революции.

Однако гуманизм и либерализм ограничили понимание насилия криминальными, социально-политическими, эмоционально-психологическими, сентиментально-морализаторскими оценками, отвергнув его глубинные метафизические истоки, функции и смыслы как важные конституирующие силы любой реальности в мире и в человеке. Либерализм и гуманизм внедрили устойчивый стереотип в отношении насилия, которое должно

быть искоренено из жизни (или минимизировано), что не мешает этим идеологиям разворачивать тотальное насилие против всех несогласных с их лицемерно-слащавым почитанием человека и однополых браков. Вообще, когда человек имеет дело с насилием, не понимая его сути, то не он властвует над насилием, а насилие управляет им.

В метафизическом плане насилие представляет переступание (*transzendere*) границ и пределов стран, сообществ, этики, человека, идей, мира и бытия и самый главный предел, разделяющий идеальное и материю. Очень глубоко и точно прописал эту мысль Ж. Бодрийяр: «...Мир сам является идеальным преступлением — преступлением, у которого нет аналога, нет побудительной причины, и виновника которого невозможно установить. Мы, таким образом, вероятно, с самого начала принадлежим преступному миру. Однако в идеальном преступлении криминальна именно его идеальность. <...> Мы находимся во власти преступления, влекущего нас в зону совершенства, пространства тотального осуществления, и эта зона тотализации — не что иное, как конечный пункт нашего движения. <...> Все дело в преступлении и связанной с ним трагедии. Кара неминуема: реверсивность обязательно при-

ведет к тому, что за что-то придется расплачиваться» [8, с. 43–45, 47]. Источником насилия, его основным преступлением является раскол мира на идеальное и материю; идеальное же не подвластно материи, чинит над ней постоянное насилие, вынуждая ее служить своим смысловым императивам. И поскольку раскол идеального и материи проходит и через человека, то насилие и преступление составляют его глубинную метафизическую сущность, от которой он не волен отречься. Поэтому каждый человек в глубине своей есть метафизический преступник, ожидающий метафизической кары.

Насилие есть преступление, которым переполнен мир и которое обеспечивает черную, хотя и бессмысленную, динамику времени, когда каждый предыдущий миг времени насильственно низвергается последующим только потому, что он последний.

Насилие есть необходимая и неизбежная метафизическая реакция на существование любых границ, пределов, выражающих ущербность, неполноту мира и человека, их обреченность, ибо рано или поздно они уже не по своей воле окажутся по ту сторону своей конечности, где царствуют Абсолют, София, Первопричина, свободные от границ и пределов, составляющих сущ-

ность земного бытия. Поэтому насилие выражает экзистенциальную тоску человека по царствию Абсолюта, отменяющего пределы, границы, законы, устанавливающего время их соблюдения и их разрушения. В насилии субъект пытается расширить свою субъектность до свободы Первопричины. И в этом плане в насилии присутствует обратная сторона Абсолюта, его божественного света.

Насилию присущи условно позитивный и условно негативный аспекты. В позитивном плане субъект посредством насилия расширяет сферу своих возможностей, расширяет свои границы. Объекты насилия съедаются, разрушаются, покоряются, теряют свободу, сокращают сферу своих возможностей и реально лишаются статуса субъекта, становясь жертвой — средством, объектом и материалом завоевателей и победителей. И есть в этом какая-то тяжелая и неприятная правда, о чем свидетельствуют факты внимания, даже заботы о преступниках; книги многих из них становятся бестселлерами, а жертвы нередко обречены на презрение и полное забвение.

Всем знакомы фото с колоннами военнопленных, узников концлагерей, которых ведут немногочисленные конвоиры. Да их можно вмиг уничтожить одним количеством жертв, но они покорно исполняют свои роли. Почему? Жертвы страшатся нарушить границы своего статуса, что ли?!

Просвещение внушило народам односторонний взгляд на насилие, взгляд со стороны жертвы. Потеряв метафизическую легитимность, насилие стало представляться «пережитком варварства», атавизмом, временным, исправимым недостатком цивилизации, вообще чем-то недопустимым.

После устранения метафизического понимания насилия, после

Безмерность своеволия людей проявляется в их реакциях: люди больше нужного горюют о бедах и меньше радуются минутам счастья.

отрицания экзистенциальной экспансии субъекта и возникновения «естественного права» жертвы выдвинули свои требования на «абсолютную безопасность», то есть на искусственный императив защиты от насилия, но защиты за счет обращения в жертвы других индивидов. Во имя этой «абсолютной безопасности» просветители сотворили Великую французскую революцию, развязали чудовищное насилие, вершили зверские преступления, в которых погибло свыше 40% населения Франции, больше даже, чем в Русской революции 1917 г. Во время Террора потоки крови проливали те жертвенные натуры, что больше других стремились осчастливить людей золотым веком, о котором они грезили, и больше других страдали от человеческих бед, — чем больше эти оптимисты и идеалисты жаждали всеобщего счастья, тем более безжалостно они действовали, используя пытки и насилие. Вообще, самое абсурдное, ничем не оправданное насилие с использованием спецмеханизмов вершат жертвы, рабы, холопы во власти. Остерегайтесь жалеть жертв, обретших власть! Да и без власти — жертвы, жалкие вначале, вспоминают потом кузькину мать! Все события предreshены, а победители и жертвы суть необходимые акторы этих событий. Без жертв нет победы и смысловых императивов жизни. Христос — жертва, но где победители этой жертвы? Вообще, разделение на жертв и победителей находится вне власти людей, в ведении вечной правды, хотя и люди своим героизмом могут внести коррективы в планы судьбы, но само это разделение отменить они не вправе.

Глубокую и близкую к метафизике концепцию насилия развил

Ж. Сорель, ставший почетным изгоем для всех тех последующих интеллектуалов, которые трусливо симулируют мысль и заботу о бедственном положении трударей. Базовыми в его концепции являются категории Труд, Всеобщая Стачка, Творчество, Миф. Все эти миротворные факторы истории сами по себе не имеют иной мотивации, кроме себя самих, кроме возвышения себя посредством насилия до уровня идеальной мощи, сжигающей в себе все мелкое, жалкое, подленькое, посредственное, торгашеское, ничтожное. Таким же феноменом является миф, представляющий собой героическое сознание, одержимое жаждой бесконечности. Труд изменяет не только природу, не только индивида, но он творит высший тип коллектива — субъекта насилия. Труд — это не только производственный фактор, приносящий прибыль, а род насилия, которое облагораживает сознание, приводя его к творчеству новой жизни. Всеобщая стачка — это насилие, служащее школой дисциплины, мобилизации и творчества, противостоящего военному и патологическому насилию капитала. Всеобщая стачка есть борьба и война, на которой побежденных не убивают, а поступают с ними по-рыцарски. Стачка не только организует рабочих, воспитывает в них дух коллективного творчества, но и принуждает буржуазию «ловить мышей», выполнять свои управленческо-производственные функции, а не разлагаться в безумных оргиях потребления. «Вырождение буржуазии благодаря мирной жизни» прерывает насилие трударей, требующих от буржуазии, чтобы она следовала своему промышленному кодексу. «В то время как социальный мир стремится

смягчить социальные конфликты, на сцену выходит пролетарское насилие. Оно возвращает хозяев к их роли производителей и способствует восстановлению классовых различий тогда, когда они, казалось, начали смешиваться в демократическом болоте». Более того, «пролетарское насилие <...> представляет собой, по всей видимости, единственное средство, которым располагают отупевшие от гуманизма европейские нации, чтобы вновь обрести прежнюю энергию. Такое насилие заставляет капитализм вернуться к своей чисто материальной роли и помогает ему вернуть себе те воинственные качества, которыми он некогда обладал» [9, с. 31, 94]. И насилие, поднимающееся из творческих глубин трударей, Сорель воспринимает как высшую этику социализма, который должен вести постоянную борьбу с внутренней и внешней энтропией человека. Насилие, которое не служит этике и творчеству, вырождается в бессмысленный терроризм, бандитизм, в бесконечную вражду всех против всех, в суицид.

Поскольку экзистенциальные устремления субъекта к Абсолюту вследствие разрушения религии, насаждения пацифизма, феминизма, прав человека, либерализма были вынесены за скобки социума, разума и сознания, то узаконенным стало только экономическое насилие, экономические войны. Банкиры обладают полным правом поедать своих конкурентов и партнеров, но только чисто экономическими средствами и методами. Либеральное экономическое насилие представляет тип женского насилия путем удушения своих конкурентов. Либерализм реализовал долгожданное отмщение вековых жертв, вынужденных смиряться со статусом жертвы, ибо в культурных, моральных и личностных противостояниях они не могли победить; и жертвы превратились в сверхагрессора экономического насилия.

Экономизм культивирует финансовое насилие, чтобы реализовать свою инфернальную обреченность быть жертвой последнего кризиса, который принесет им долгожданное освобождение от жертвенного бремени, поскольку все экономические агенты суть жертвы поджидającego их кризиса, через который метафизика вершит свой суд. Ибо каждый миг экономизм приносит неопишуемые страдания и жертвы, убийства, убийства, убийства. Вся Африка покрыта трупами победивших «европейских» жертв. Изменить эту власть насилия и экономических насильников может только внеэкономическое насилие,

гии и мировоззрения, превращая людей-объектов, людей-жертв в единое планетарное сообщество, в единый Абсолютный Объект, который неизбежно вызовет к жизни Абсолютного Субъекта для свершения последнего акта эсхатологического насилия над самим собой. Экономические жертвы-победители ждут апокалипсические всадники.

А пока, поскольку базовая основа мира — метафизическое насилие, выражающее стремление человека к Абсолюту и призыв Абсолюта к человеку стать героем, не исчезло и не размывается на частные и мелкие дела, то оно заявило о себе феноменом

Самое абсурдное, ничем не оправданное насилие с использованием спецмеханизмов вершат жертвы, рабы, холопы во власти. Остерегайтесь жалеть жертв, обретших власть!

питающееся метафизическими инициативами Абсолюта. Это насилие тоже приносит страдания и жертвы, но оно приносит их гораздо меньше, чем сохранение нынешнего экономического аутодафе. Подлинным экономистом станет лишь тот, кто поймет смертельную опасность экономического насилия для жизни, наций, природы, людей.

Победившие жертвы остались верными насилию, взрастившему их; они стали экономическими палачами остальных жертв, развязав такой экономический и военный террор, перед которым меркнет метафизическое и реальное справедливое насилие революций. Глобализация утверждает «мягкое, ненасильственное насилие» посредством экономического террора, который скрыто разрушает границы, пределы, идентичности наций, культур, индивидов. А идеология глобализма поглощает и перемаливает все классические идеоло-

терроризма как самостоятельного фактора истории. Частично насилие ушло в сферу криминала, в бытовые и служебно-карьерные интриги. И хотя реальное политическое значение терроризма ничтожно, но как символический образ он обрел абсолютный смысл и создал в современном мире особый ментальный и социально-политический контекст, незаметно деформирующий все актуальные дискурсы в плане метафизики насилия, напоминающей человеку о том, что его ждет не только смерть, но и Абсолют, требующий от него героизма в мыслях и делах, ибо метафизика насилия предполагает героический взгляд на природу человека. А сознательные и бессознательные противники метафизического насилия являются скрытыми носителями другого насилия — бессмысленного и немилосердного. Насилие представляет особую опасность для либерализма, так как он не может ни отрицать

его историческое значение, ни понять его метафизику. Будущее принадлежит тем, кто владеет метафизикой насилия, ибо только насилие побеждает хаос, энтропию, деградацию, инерцию потребления ради творчества, охраняющего Землю и человека.

Современный мир вступает в эпоху нового насилия, когда прежние полюсы, границы и пределы, враги и друзья, братья и соседи занимают другие места и готовятся к последнему акту апокалипсического насилия. Коммунисты и капиталисты, криминал и право, коррупция и легальные структуры вырабатывают и применяют новые виды насилия. А между ними растут горы трупов, умножаются бесконечные страдания и муки людей, нарастают безумие и абсурдность социума. И юная жизнь, лишенная в такой ситуации человеческих мотиваций, ищет спасения от удушающего нигилизма и безысходного отчаяния не только в наркомании, не только в девиантных формах поведения, но и в экзотических конюшнях терроризма и вульгарного насилия. Ведь насилие имеет свой особый язык, который дает такое понимание реальности, которое недоступно никаким идеологиям и учениям. Вблизи насилия разум и сознание расширяются, становятся всеобщими и могут соприка-

саться с Первопричиной мира и царящего в нем зла. Противникам насилия никогда не приходит в голову, что нет земного решения проблемы насилия; и его сила состоит в этом знании.

И Россия неукротимо, медленно, но верно идет к метафизическому насилию, этой первой, основной и последней истине последней метаморфозы истории. Это будет великое, очищающее и последнее насилие, направленное против оголтелых и безумствующих насильников, уничтожающих культуру, детей, кадры, смыслы страны. Это будет огненное насилие метафизики против всех форм скрытого инфернального насилия золотого тельца и его палачей, свыше 2000 лет пытающихся уничтожить Россию. Исполнится вещей смысл: кто с насилием к нам придет, от насилия и падет.

Опасно и опрометчиво преувеличивать, гипостазировать насилие, но еще опаснее недооценивать его творческий метафизический потенциал. Известно, что «умом Россию не понять»; не понять умом и ее отношения с насилием. Но освоение Сибири, Севера, космоса осуществлялось и посредством метафизического насилия, требующего героев, героизма и порождающего их. И сегодня главным противоядием от инфернального терроризма, от расплывающегося повсеместно

бесцельного и самоумножающегося насилия должно стать создание, открытие шлюзов для свершения великих деяний, которые невозможны без героев и героизма. Лозунг: «В жизни всегда должен быть повышенный спрос на героев и героизм!» служит императивом метафизики насилия. Дело за властью.

Можно заметить, что у насилия самого по себе нет начала, нет у него и конца, вернее свой конец оно находит в Софии Премудрости Божией, продолжающей его дело посредством понимания. «Удивительная и долгая война — та, в которой насилие пытается подчинить себе истину, все атаки насилия не могут ослабить истину и только поднимают ее еще выше. Весь свет истины не может остановить насилия и только еще больше его раздражает. Когда сила борется с силой, более мощная разрушает менее мощную; когда рассуждения противостоят рассуждениям, те, что истинны и убедительны, разбивают и рассеивают те, в которых только тщета и ложь; но насилие и истина ничего не могут поделаться друг с другом. Из этого не следует заключать, что они равны между собой; между ними та огромная разница, что насилию полагают пределы веления Бога, направляющие его последствия к славе той истины, на которую оно нападает, тогда как истина не умирает и в конце концов торжествует над своими врагами, ибо она вечна и всемогуща, как Сам Бог» [2, с. 437]. И кто же напишет последнюю страницу истории? Это решит война истины и насилия, война — «отец и царь всех вещей». Ибо насилие растит плоды, о которых его субъекты и жертвы не имеют ни малейшей догадки и не подозревают о своей участи; оно готовит приход общества, о котором никто и не помышляет.

Глобализм обесценивает смыслы всех классических и современных идеологий, навязывая

миру давящую идеологию терпимости ко всяким извращениям, превращая однополость в террор. С.С. Аверинцев целомудренно заметил: «Сексуальная революция уже давно не только „пермиссионно“, но и агрессивно развязывает моральный террор, который, похоже, превзойдет все кошмары лицемерия, ханжества и „прюдства“ былых времен» [10, с. 769]¹.

Но одна идеология глобализму «не по зубам». Речь идет о развитии в русской философии конца XIX — начала XX в. софийном, софиологическом, софиософском мировоззрении. Это мировоззрение даже метафизико-революционного насилия перевело на путь постижения высшей мудрости. И усилия его не были бесплодными. Культурные классы России не приняли inferнальное насилие революции, предпочтя казни, ссылки, лагеря, и, даже работая на власть, хранили в себе творческие инициативы сакрального насилия Абсолюта. И сегодня, когда inferнальное насилие в форме терроризма вновь соблазняет юные души, только философская мудрость, софийные и софиологические пути постижения божественной мудрости могут выполнить волю Абсолюта, дать растерянным людям понимание смысла и назначения их бытия.

А пока в мире царит странное, непонятное, прямо-таки пато-

Насилие, которое не служит этике и творчеству, вырождается в бессмысленный терроризм, бандитизм, в бесконечную вражду всех против всех, в суицид.

логическое влечение современных людей к феномену смерти, представляющей абсолютное насилие. Кажется, за миллионы лет должен был бы выработаться стереотип защитной привычки от этого единственного, жестокого и немилосердно справедливого суда на Земле. Ан нет! Фонтанируя со всех экранов, из всех уголков мира, проливая реки крови, нагромождая горы трупов, смерть становится сегодня типом производства и законодателем нравов. И зрители, продолжая до скотской дрожи и холодного пота бояться смерти, тем не менее пьют всеми своими чувствами, впитывают всем своим организмом это насилие смерти, находя в нем что-то близкое, родное, спасительное. Складывается альтернативная модель бытия и реальности на основе «ценностей» насилия и смерти. Огненный вихрь насилия торжествует, сбивая людей в безумный планетарный комок плазмы, которую сознание и разум не могут воспринимать и понимать.

Этот парадокс — страх перед насилием смерти и в то же время неодолимое влечение к неведо-

мым благам этого насилия — хорошо выразила поэтическая метафизика А.С. Пушкина:

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь
волненья
Их обрести и ведать мог.*

Слова поэта о насилии нужно принять с максимальной трезвостью и ответственностью, сделав их руководством для эффективного противодействия терроризму, который пытается монополизировать мистику и метафизику насилия. Терроризм уже превратил насилие в субстанцию современного мира, а теперь пытается сделать его субъектом глобализации. Нужно перехватить эту эволюцию насилия, вернуть ему метафизическое достоинство и превратить его в средство утверждения героизма, культуры, нацеленных на достижение невозможного, ибо перводвигателем человека служит стремление именно к невозможному.

Роль философии в решении этой миротворной задачи незаменима, поскольку она дает понимание сущего, а против понимания бессильно и насилие, преображаясь в смысловое орудие сознания и мысли. Философия как предельное знание (знание пределов) должна не только вопрошать об истоках и причинах бытия, но может достойно обрести и применять это знание во благо бытия. «Неизъяснимые наслаждения» таит в себе только понимание насилия, а не само насилие. А понимание есть трагическое знание абсолютно-

го различения Добра и Зла; а различение это требует признать, что одна из сторон противоречия (дуальности) — мнимая, паразитирующая на полюсе живого. Здоровье — самоценная реальность, не нуждающаяся в болезнях и возможная без них, а вот болезни зависят от здоровья, существуют за счет его ресурсов и невозможны без него даже в абстракции. И так обстоят дела со всеми дуальностями мира. Философия же выявляет в Абсолюте метафизику насилия, превращая ее в смысловой орган возвращения героев и героического сознания.

Физическое, юридическое, моральное истолкование насилия без понимания его метафизической правды неизбежно приведет к тому, что люди утратят понимание того, что чего-то самого главного в насилии они не понимают, а потому сдадут ему позиции на всех фронтах. Обыденное сознание и науки изучают насилие (агрессию, терроризм, войны, гибель, смерть) методами, которые зачастую провоцируют и совершенствуют насилие, не подозревая о возможности его преображения в смысловой потенциал Абсолюта. Обесмысливание насилия укрепляет его агрессивный потенциал и запускает процесс самораспада понимания, его превращения в род рекламного товара. Метафизика насилия показывает науке и практике, что слепое и непонятое насилие восполняет дефицит сознания и понимания. Метафизика — благая весть о вечном мире, когда народы «перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы» (Ис. 2:4).

ПЭС 16011 / 26.01.2016

Примечание

1. Ж. Бодрийяр обреченно пишет о насилии в сфере интимных отношений европейцев: «...Мы имеем дело с новым насилием, рожденным из парадокса, умиротворенного и вседозволяющего об-

щества <...> Наслаждения становятся агрессивными, принуждая индивидов наслаждаться вопреки их естеству и воле. И в этом — большая проблема нашего времени: ничто не является само по себе источником наслаждения — надо заставить наслаждаться и самого себя, и других». Это действительно кошмар! Миллионы людей страдают от голода, а европейцы страдают от насильственных наслаждений. «Сексуальная революция, освобождая все виртуальные аспекты желаний, ведет к основному вопросу: мужчина я или женщина?» Ответа нет, а есть неуверенность, путаница, тревога и страх. Еще бы! После оргиастического выплескивания всех желаний утвердился транссексуальный хаос и беспредел. Но отчаиваться не надо, ибо превращение человека в транссексуала — это «проблематичное назначение любой революции. Именно таким образом мы стали транссексуалами» [11, с. 91, 38, 39]. Значит, скрытая суть сексуальной революции не в сексуальной свободе, а в принудительной транссексуализации всех людей, превращении их в гомополовую социоплазму? Так нужно понимать почтенного маэстро?

Источники

1. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964.
2. Паскаль Б. Мысли. М., 1995.
3. Материалисты Древней Греции. М., 1955.
4. Персонажи славянской мифологии. Киев, 1993.
5. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Избр. соч. М., 1982.
6. Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1971.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 23.
8. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006.
9. Сорель Ж. Размышление о насилии. М., 2013.
10. Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. Киев, 2006.
11. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.

Metaphysics of Violence

Shulevsky Nikolay Borisovich

Lomonosov Moscow State University

Zotova Elena Serafimovna

Lomonosov Moscow State University

The article analyzes metaphysical aspects of violence on the basis of three theses.

1. Metaphysics of violence. Violence in today's world acts as an end in itself and its volumes grow towards the apocalypse.
2. Physics of violence. Violence is used by the state and its institutions as a means of positivity.
3. Wisdom of violence. Philosophy of economy and Russian sophianic philosophy are seeking the ways of transforming violence into meaningful, educational, training, cultural forms of human behavior determination, into the social structures of justice.

Keywords

Metaphysics, violence, heroism.

References

1. Kant I. *Kritika chistogo razuma. Sochineniya: V 6 tomakh* [Critique of Pure Reason]. Moscow, 1964, vol. 3.
2. Paskal' B. *Mysli* [Thoughts]. Moscow, 1995.
3. *Materialisty Drevney Gretsii* [Ancient Greece Materialists]. Moscow, 1955.
4. *Personazhi slavyanskoy mifologii* [Characters of Slavic Mythology]. Kiev, 1993.
5. Makiavelli N. *Gosudar'.* *Rassuzhdeniya o pervoj deкаде Tita Livija. Izbrannye sochineniya* [Sovereign. Discourse on the First Decade of Titus Livius]. Moscow, 1982.
6. Platon. *Sochineniya: V 3 tomah* [Writings]. Moscow, 1971, vol. 3.
7. Marks K., Jengel's F. *Sochineniya* [Writings]. 2-e izd. Moscow, 1974, vol. 23.
8. Bodrijar Zh. *Paroli. Ot fragmenta k fragmentu* [Passwords. From a Fragment to a Fragment]. Ekaterinburg, 2006.
9. Sorel' Zh. *Razmyshlenie o nasilii* [Reflection About Violence]. Moscow, 2013.
10. Averincev S.S. *Sofija-Logos. Slovar'* [Sofia-Logos]. Kiev, 2006.
11. Bodrijar Zh. *Prozrachnost' zla* [Evil's Transparency]. Moscow, 2000.